

Дива дивная

В столичном Музее изобразительных искусств показали нечто такое, что можно увидеть только в этом музее, и нигде больше.

О том, что итальянская кинозвезда Джина Лоллобриджида проявляет склонность к изобразительным искусствам, известно давно. Еще на закате Советской власти в Москве был издан увесистый альбом ее художественных фотографий. Потом случилась выставка. И с тех пор шикарная дочь Апеннин заняла почетное место среди жрецов музыки Полигимнии. Вчера все собравшиеся в Итальянском дворике ГМИИ им. Пушкина поняли, что всякая наивысочайшая оценка творческого темперамента кинодивы будет недостаточной.

Десять лет назад Лоллобриджида занялась скульптурой. До сих пор почти никто не видел плодов ее усилий. Но это самое «почти» имеет решающее значение. Те редкие индивидуумы, которым посчастливилось приобщиться к ее творчеству как

ваятеля, не поскупились на изъятие своих чувств. Президент Франции Миттеран немедленно выдал ей орден Почетного легиона, а деятели Флорентийской академии художеств — свою медаль. Непередаваемые эмоции скульптуры актрисы пробудили в душе Зураба Церетели. Он-то и сподобил красавицу представить свои работы в Москве. Говорят, он предложил актрисе на выбор залы Музея современного искусства на Петровке, Академии художеств или свою галерею на Пречистенке. Выбор пал на главный музей российской столицы — ГМИИ.

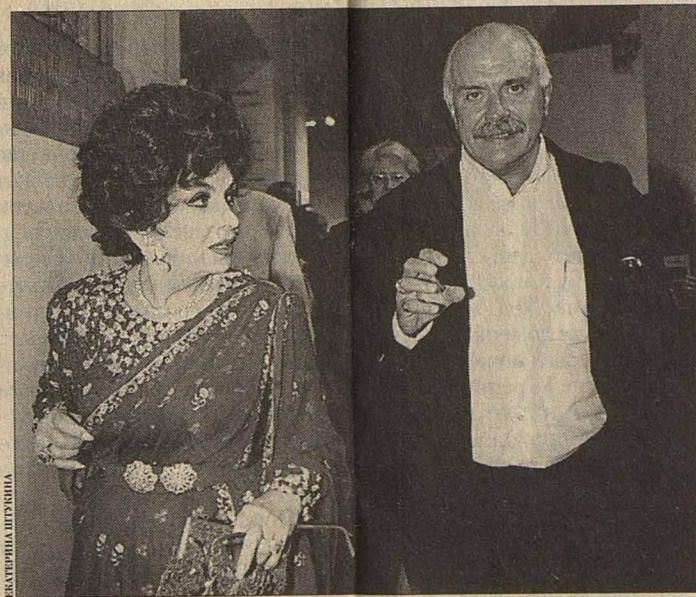
Сами скульптуры неподражаемы. Это соединение простодушия, стремления к идеалу и эстетической трепетности производит столь сильное впечатление, что даже искушенные до полного цинизма московские

критики, переговариваясь друг с другом, вынуждены были констатировать: «В этом что-то есть!». Допустить, что такое делается без всякой задней мысли и впрямь трудно. Например, «уважаемый художественный критик» из Италии, господин в клубном пиджаке и замшевых штгилетах, завезенный в Москву в многолюдной делегации актрисы, долго и весомо рассуждал на вернисаже о кризисе модернизма и возвращении к истокам, к традициям Донателло и ему подобных. И насчет кризиса с ним трудно не согласиться. Действительно, когда посмотришь на обнаженную Мэрилин Монро, запечатленную в белом мраморе, лежащую подобно стражнице гробницы Медичи, или на детскую головку цвета морской волны правильно круглой формы, думаешь, что все рефлексии на вечные темы, предпринятые в XX веке, были напрасны. Первородство, и только оно, способно пробудить в современном

зрителе угасшие чувства. Кстати, о Мэрилин Монро надо сказать отдельно. На этикетке название скульптуры обозначено так: «Моя подруга». И вот он, миг истины: лицо подруги вылеплено так, что остается удивляться, отчего на него не позарились сотрудники ближайшей к Калифорнии кунсткамеры.

Наконец, нельзя в очередной раз не восхититься мудрой выставочной политикой Музея изобразительных искусств. Из всех возможных вариантов развития выставочных событий в этом музее выбирают тот, который и вообразить себе было трудно. Там выставляют на самых видных местах даже не то, что в других музеях прячут в дальние углы. И даже не то, что в других музеях не выставляют вовсе. Там умеют с неповторимой наглядностью дать понять зрителю, где он находится и чего стоит.

Сама Джина Лоллобриджида, конечно же, достойна восхищения вдвойне. Накануне

ЕКАТЕРИНА ШТУГИНА

Кроме Зураба Церетели, у Джины Лоллобриджида есть и другие поклонники

76-летия она не побоялась предстать кроткой и неприятельской дебютанткой. Но вспомним, что это вполне укладывается в российскую традицию. Чеховская героиня Вера Иосифовна из бессмертного «Ионыча» тоже ничего не боя-

лась, читала гостям свои бесконечные романы, а на самые велеличные комплименты отвечала: «К чему нам печатать, ведь мы и без того имеем средства».

ЮРИЙ АРПИШКИН

Воскрес. МН. - 2003 - 24 июля. - с. 7.